

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.006

УДК 94(470+571)"18/19" (091)

ББК 63.3(2)52-8

В.А. ЯКОВЧУК

**ВО ИМЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕЛЕНА АВЕРКИЕВОЙ**

V.A. YAKOVCHUK

**IN THE NAME OF THE SOCIAL REVOLUTION:
THE LIFE PATH OF ELENA AVERKIEVA**

В данной статье на основании принципов подхода «personal history» рассматривается судьба революционерки Е. И. Аверкиевой, одной из участниц процесса 193-х, реконструируются детали ее жизни и деятельности до ареста и в политической ссылке в Западной Сибири. На примере ее биографии анализируются особенности формирования мировоззрения революционерок в России, становления на путь протеста. Делается вывод о том, что определяющими факторами в жизни Е. И. Аверкиевой, оказавшими влияние на складывание ее политических убеждений, стали окружение и специфика гендерной социализации.

In this article, based on the principles of the «personal history» approach, the fate of the revolutionary E. I. Averkiewa, one of the participants in the trial of the 193s, is under discussion, the details of her life and activities before her arrest and in political exile in Western Siberia are reconstructed. The features of the formation of the worldview of female revolutionaries in Russia who joined the protest were analyzed on the example of her biography. It is concluded that the determining factors in the life of E. I. Averkiewa, which influenced on the formation of her political beliefs, were the environment and the specifics of gender socialization.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая ссылка, народничество, самодержавие, революционное движение, женское движение, эсеры

KEY WORDS: political exile, populism, autarchy, revolutionary movement, women's movement, socialist-revolutionaries

ВВЕДЕНИЕ. Изучение истории участия женщин в политическом движении в России происходило в рамках множества научных направлений и подходов — начиная от гендерной истории и заканчивая историей ментальностей. Стоит отметить, что особое внимание исследователей уделено революционному периоду в имперской России конца XIX — начала XX вв., что было обусловлено кардинальными переменами не только в половом составе политического движения, но и в идеологии протестующих.

В это время ломается социальная структура общества, трансформируется система моральных ценностей и рынок труда, меняется динамика межличностных и семейно-брачных отношений и, как следствие, радикально меняется статус женщины в обществе. Женские биографии, подобно зеркалу, становятся прямым отражением эпохи, демонстрируя в мельчайших деталях перемены, происходившие в жизни страны. Если ранее роль женщины считалась менее значимой в социальном плане, в основном ограничиваясь микромиром семьи (а в политической сфере ввиду избирательного ценза порой отсутствовала вовсе), то в период начала «хождения в народ» ситуация стала совершенно иной.

Однако, несмотря на то, что судьбы выдающихся представительниц протестного движения довольно хорошо исследованы историками, жизнь простых девушек, «рядовых» революционерок, не являвшихся знаковыми фигурами в истории русской революции, зачастую оставалась вне поля зрения науки.

ЦЕЛЬ. В подобном контексте представляется актуальным обратиться к реконструкции биографии одной из участниц «процесса 193-х» Е.И. Аверкиевой, проанализировать на ее примере особенности становления мировоззрения революционерок, восстановить детали ее жизни и деятельности до ареста и в политической ссылке.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Несмотря на то, что частично жизненный путь Е.И. Аверкиевой уже был реконструирован в трудах Н.Р. Славнитского [24] и Л.П. Рощевской [28] (в контексте общей истории революционного движения), полностью ее биография не была освящена ни товарищами по ссылке, ни историками. Для воссоздания истории ее жизни на основании принципов подхода «personal history» был проанализирован ряд источников: делопроизводственная документация различных ведомств, личная переписка и воспоминания политических ссыльных, их научные изыскания и публицистика. Также необходимо отметить особое значение исследования Т.А. Семеновой (правнучки родной сестры Е.И. Аверкиевой — С.И. Прушакевич), восстановившей историю семейства Аверкиевых на основании источников личного происхождения и документов архивохранилищ ФКУ «Государственный архив РФ» (ГА РФ) [23].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Стоит подчеркнуть, что история освободительного движения в целом была довольно тесно связана с женской эмансипацией — как в плане идеологии, так и в целом ввиду активного участия женщин в оппозиционных организациях. В постулатах революционного движения еще с 1860-х годов провозглашается равенство мужчины и женщины, их прав и свобод. Требование решить «женский вопрос» становится неотъемлемой частью политического протеста — причем как среди самих женщин, так и среди мужчин. Ответные меры, предпринятые правительством для решения этой проблемы, были слишком непоследовательными и недостаточными, порой противоречили друг другу. В результате подобная политика лишь ухудшила ситуацию, стимулировав интерес прогрессивной общественности к данному вопросу.

Многие девушки, стремившиеся к самореализации в работе или в учебе, но не имевшие финансов или статуса замужней дамы, неизменно сталкивались с дискриминацией по половому признаку, со «стеклянным» потолком и отсутствием должной оплаты труда. В попытках получить образование и самореализоваться в жизни, они проникались революционными идеями в гимназиях, пансионах или училищах, на высших женских курсах, в заграничных университетах или в литературных салонах, различных нелегальных и легальных кружках. Также зачастую девушки попадали в революционную среду через семью и друзей, симпатизирующих протестующим, или и вовсе являвшихся активными пропагандистами и политическими ссыльными.

В данном контексте судьба революционерки Елены Ивановны Аверкиевой (в девичестве Прушакевич) является довольно показательной для того времени. Она родилась в Архангельске около 1850 г. в семье ссыльного поляка Ивана Антоновича Прушакевича, служившего коллежским ассессором. Семья была многодетной, а так как Елена была второй по старшинству из 4 детей, то она не только помогала старшей сестре Юлии по хозяйству, но и занималась в меру сил воспитанием младших — Софьи и Петра [23, с. 89].

В целом положение дел в Архангельске было довольно печальным и многие семьи не обладали достатком. Е.К. Брешко-Брешковская отмечала: «...бедность не пускала идти дальше, выхватывала из третьего, четвертого, пятого класса гимназии и обращала юношу — в канцеляриста, девушку — в горничную, кухарку, или выталкивала замуж за первого встречного» [2, с. 9]. В их числе была и семья Прушакевичей, бедственное положение которых не позволило никому из старших детей закончить образование — даже на уровне местной гимназии. Елена вместе с сестрой Юлией, несмотря на обстоятельства, пыталась продолжать учиться, занимаясь самостоятельно, «справляясь у подруг о заданных уро-

ках» [2, с. 9]. И то, занятые домашними хлопотами, они могли уделить время занятиям лишь поздно вечером, после того как укладывали младших детей спать.

Знаменитый публицист и идеолог народничества В.В. Берви (известный под псевдонимом Н.В. Флеровский), находившийся в то время в ссылке в Архангельске, был знаком с семьей девушек, и такая жажда знаний не могла не привлечь его внимания. Поэтому он предложил им свои услуги в качестве учителя, взяв сестер под свое руководство. В.В. Берви-Флеровский был прекрасной кандидатурой на роль наставника местной молодежи — будучи юристом по образованию, он имел не только определенный багаж знаний, но и значительный опыт в «педагогической пропаганде» (начиная еще с астраханской ссылки).

По воспоминаниям Л.П. Никифорова, архангельский дом В.В. Берви-Флеровского «... был местом сборища молодежи, приходившей к нему со своими нуждами и запросами и встречавшей самый радушный прием, как с его стороны, так и со стороны Эрмионы Ивановны, которая, как восторженная последовательница своего мужа, была для всех заботливой, любящей сестрой» [18, с. 142].

Сестры Прушакевич на момент ученичества у Берви-Флеровского уже были подростками, и им, как и всем молодым людям, было свойственно любопытство. Само окружение девочек (в большинстве своем представленное польскими политссыльными) способствовало возникновению у них интереса к социальному и политическому устройству мира, к «внешней» жизни за пределами городских стен. Их ум начинали занимать не обыденные детские вопросы, а более глобальные дилеммы, ответ на которые нельзя было отыскать на страницах учебников. Вскоре беседы с наставником перестали ограничиваться темами школьных занятий и переросли в свободное обсуждение и дискуссии «...о тех сторонах жизни, которые казались им важными и вместе с тем непонятными» [2, с. 12].

К их встречам присоединились дочь коллежского секретаря Е.В. Супинская и дочь подполковника Е.Ф. Ермолаева, которые в будущем тоже примкнули к революционному движению. У Берви-Флеровского потом появились и другие ученики, однако именно эти четыре девушки были более прочих привязаны к своему наставнику, перенимая не только его знания и опыт, но и политические воззрения.

К сожалению, жизненные обстоятельства складывались так, что получить официально полноценное образование Елене так и не удалось. С каждым годом семья росла, соответственно, увеличивались финансовые потребности, стала очевидной необходимость поиска заработка.

Выбор профессии для молодых девушек в провинции был довольно ограниченным — ввиду элементарного отсутствия большого количества рабочих мест и преобладания традиционно «мужских» сфер деятельности. Кроме того, столь деятельные натуры желали попробовать силы в чем-то сообразном их интересам и склонностям, близком к умственной работе. В результате совместных усилий и помощи учителя выход все же был найден. Отрасль труда была выбрана для патриархального Архангельска крайне нетипичная — полиграфическое производство. Девушек взяли наборщицами в губернскую типографию — и не прогадали. С их появлением не только наладилась работа в типографии, но и значительно сократились скандалы пьющих сотрудников. Даже с учетом своеобразности профессии и некоторых гендерных предрассудков, трудолюбие и внимательное отношение девушек способствовали тому, что у руководства они значились на хорошем счету и имели репутацию приличных молодых особ.

Но вскоре мирная жизнь была нарушена — в Архангельскую губернию был сослан в 1867 г. административным порядком Порфирий Иванович Войноральский, молодой помещик Пензенской губернии. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, П.И. Войноральский принял участие в первой в Москве уличной полити-

ческой демонстрации (4 октября 1861 г. студентами было организовано демонстративное шествие на могилу профессора Т.Н. Грановского). В результате 12 октября он был арестован полицией посреди толпы возмущенных студентов на Тверской площади и уже 6 февраля 1862 г. выслан под надзор полиции. Тем не менее, и после этого молодой человек продолжил пропагандистскую деятельность, за что был неоднократно переведен из поселения в поселение.

П.И. Войноральский быстро влился в ссыльный контингент Архангельской губернии, тесно сдружившись с местной учащейся молодежью, среди которой были и ученицы В.В. Берви-Флеровского. Более того, они столь хорошо поладили между собой, что начали единой компанией строить планы дальнейшей деятельности каждого из товарищей. Четыре подруги не желали больше мирной жизни в глуши, горя стремлением посвятить свои силы делу революции и на пользу «...того народа, с историей и положением которого они близко сталкивались благодаря богатому запасу знаний их дорогого учителя» [2, с. 12].

Переехать им хотелось в Москву или Петербург, туда, где возможности были более широки, где ждали друзья и соратники. Идея на тот момент и впрямь была заманчивая, эти города, будучи центрами культурной и политической жизни, стали местом сосредоточения всяческого толка вольнодумцев. Еще Б.С. Итенберг отмечал, что Петербург в 1870-х был сердцем всего народнического движения, а Москва — местом встреч революционеров-пропагандистов, где оседала часть молодежи, взявшаяся уже напрямую за революционное дело, за непосредственную деятельность в народе [12, с. 279-280].

Лучшего варианта для революционно настроенной молодежи, жаждущей находиться в центре событий, и быть не могло. Без тяжкого груза семейных обязательств и домашних дрязг можно было не только завершить образование и поступить на женские курсы, но и «жить независимо», найти наконец-то заработок, сопряженный с какой-либо интеллигентной профессией.

Разрыв с родными происходил тяжело, над будущим девушек, подобно дамокловому мечу, нависали семейные обязательства. Как бросить родителей и младших братьев и сестер? На какие средства жить? Это стало неразрешимой дилеммой. Зимой и летом подруги пребывали в раздумьях, мучаясь от бессилья и унылых перспектив работать за копейки до самой старости. К концу лета 1873 г. все уже было решено — продолжать влачить подобное существование не стоит, необходимо действовать!

С поддержкой П.И. Войноральского, предложившего помощь в обустройстве и средства для переезда, был намечен план поездки. Сопровождать девушек вызвалась Л.Т. Заруднева, приходившаяся тетей Е.Ф. Ермолаевой. В конце августа все пятеро уже жили в Москве, заселившись в Кокоревскую гостиницу. Девушки усиленно пытались найти хоть какую-то работу, дабы обеспечивать себя самостоятельно, но сразу изыскать заработок, который соответствовал бы их вкусам, не удалось.

В той же Кокоревской гостинице начались сходки студентов Петровской земледельческой академии и университета, на которых шло бурное обсуждение произведений революционно-демократической печати, планов революционной деятельности, проводились дискуссии между сторонниками мирной просветительской деятельности и приверженцами насильственных методов борьбы. Там архангельские девушки завели знакомство со штабс-капитаном Ф.А. Фетисовым и его супругой, со студентом И.Ф. Селивановым, братьями Аркадакскими [7, с. 166]. Присутствовал на собраниях и И.Н. Мышкин, являвшийся совладельцем типографии, расположенной на Тверском бульваре. Его недовольство существующим социальным строем и радикальный настрой способствовали тому, что он яро поддержал лозунги о необходимости революционной агитации в народе.

И.Н. Мышкин, узнав о бедственном положении подруг, не только с готовностью принял всех пятерых на работу наборщицами, но и быстро стал вхож в их дружеский круг.

Девушки, в свою очередь, не замедлили познакомить П.И. Войноральского с новым другом, привлекая того к делу революционной пропаганды. Уже в апреле 1874 г. в легальной типографии стали издаваться пропагандистские брошюры и «хорошие книги», которые правительство запрещало, «как нечто преступное, заслуживающее беспощадных кар и преследований» [2, с. 13].

Для этой цели И.П. Мышкин устроил своих новых наборщиц отдельно от прочих работников типографии, выделив специальную «женскую» комнату. Из-за того, что они постоянно держались вместе и были из одной губернии, компанию девушек прозвали «архангельской колонией».

Вскоре к их кружку присоединились С.А. Иванова (в замужестве Борейшо) и О.П. Фетисова [7, с. 166]. Последнюю девушки знали еще со встреч в Кокоревской гостинице, поэтому на работу пригласили без опаски. Кроме того, ее супруг также работал в типографии корректором и был в курсе того, что там издаются запрещенные издания. С.А. Иванова же попала в типографию относительно случайно. Оставшись без заработка, она решила по рекомендации квартирного хозяина поступить ученицей в типографию. Тот посоветовал ей отправиться на работу к Э.Э. Вильде, арендовавшему совместно с И.Н. Мышкиным ту самую типографию на Тверском бульваре.

Обучением новенькой занялись сестры Прушакевич и Ф.В. Супинская. Она в своей автобиографии описывала их внешность так: «Это были типичные нигилистки того времени, небрежно одетые, с подстриженными волосами и суровые на вид» [30, с. 145]. Поначалу подруги отнеслись к коллеге довольно настороженно и сурово — ввиду ее молодости и стереотипной внешности «барышни». Но после более близкого знакомства все изменилось, и девушки довольно крепко подружились. Как вспоминает сама С.А. Иванова «...так как по существу они были очень добрыми созданиями, то мы скоро сделались хорошими товарищами» [30, с. 145].

В начале мая И.Н. Мышкин перевез типографию на Арбат в дом Орлова, начав управлять ею самостоятельно. Зная затруднительное положение своих сотрудниц, И.Н. Мышкин предложил им поселиться при типографии, благо в особняке имелось несколько лишних комнат. Наборщицы из «женской комнаты» стали жить артелью, имея общее хозяйство. Впрочем, столовались там не только они, но и все гости, являвшиеся по делам, приходили отобедать именно в типографию. Иногда в особняке останавливался П.И. Войноральский, приезжавший в Москву с супругой.

«Архангельская колония» занялась печатанием бланков для паспортов и нелегальной литературы — от «Истории одного французского крестьянина» Эркмана-Шатриана до популярной среди крестьян прокламации «Что-то, братцы» Л.Э. Шишко. В Саратов ящиками по железной дороге начали отправляться «громоздкие кипы» готовой продукции. «Перевалочным пунктом» приема стала большая сапожная мастерская Пельконена, устроенная П.И. Войноральским. В мае туда переехали обе сестры Прушакевич, занявшиеся ведением хозяйства мастерской. Весной 1874 г. готовые брошюры и народные листки начали распространяться пропагандистами по всей стране. Сама Е.И. Прушакевич описывала период работы в типографии так: «Я ничего по-ученому в социализме не понимала, но чувствовала, что среди этих людей правда и самый настоящий смысл жизни» [4, с. 155].

Но чрезмерный энтузиазм сгубил дело — сапожная мастерская, постоянно работавшая по ночам, показалась саратовской полиции крайне подозрительной. Уже 31 мая, всего лишь через две недели после открытия мастерской, жандармы, предполагая в ней логово фальшивомонетчиков, нагрянули с обыском [24, с. 45]. Всех живших в мастерской арестовали и, установив связь с Москвой, организовали в июне облаву в типографии. Столичные жандармы, не знавшие толком подробностей, внезапно столкнулись с революционной пропагандой невиданного масштаба.

В это же время Юлия и Елена Прушакевич находились под стражей при 2-й полицейской части г. Саратова. Личных контактов им дозволено не было, поэтому Юлия изыскала другой способ пообщаться с сестрой. Она попыталась склонить на свою сторону помощника пристава Артоболевского, и хотя она и не была профессиональным агитатором, ее задумка увенчалась успехом. Юлия попросила его передать записку Елене, в которой убеждала сестру соблюдать при допросах осторожность, учила ее, как и что рассказывать: «...не признаваться в брошюровке и не говорить, какие ящики увезли из мастерской Пельконена Ломоносов и Фаресов, объяснять поездку в Саратов целью лечения в Самаре и т.д.» [7, с. 170].

Молодой человек, исполнившись сочувствия, не только передал это письмо, но и принес ответ от Елены. Она писала сестре о том, что не намерена сознаваться ни о И. Селиванове, ни о П.И. Войноральском, хотя жандармы, вероятно, уже в курсе положения дел в московской типографии. Несмотря на то, что Юлия уничтожила ее ответ, разорвав записку и бросив ее в печь, полиция все равно получила улики. Обгоревшие клочки записки были собраны и приложены к делу.

После этого Юлия передала Артоболевскому два письма на имя С. Пластуновой и И.Н. Мышкина. Первое оказалось в действительности адресовано «Поляку Фрузу» — Е.В. Супинской. Предполагалось, что Артоболевский лично отправится в Москву и передаст их лично, поэтому он получил от Юлии Прушакевич еще два конспиративных адреса: братьев Аркадакских на Арбате в номерах «Гуниб» и студента Петровской Академии Дружинина — «Петровско-Разумовское, высылки» [7, с. 171]. Однако все они попали в руки полиции, а не адресатов, и стали дополнительным вещественным доказательством в деле «о преступной пропаганде в империи».

Для организации дознания и судебного заседания Е.И. Прушакевич и других фигурантов дела перевезли в Санкт-Петербург. 20 января 1875 г. ее перевели в числе «опасных» в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, но уже 2 мая того же года вместе с сестрой она была выдана жандармскому офицеру по распоряжению III отделения [9, с. 1281]. Пропагандистку поместили под стражу в Дом Предварительного заключения — первую в России специальную следственную тюрьму. Она была рассчитана на 317 одиночных камер (32 из которых были женскими). Были помещения и общего содержания — 68 камер и карцеров (всего рассчитанных на 700 заключенных), имелся тюремный лазарет.

В заключении Е.И. Прушакевич познакомилась со своим будущим супругом — А.Н. Аверкиевым (ок. 1854 — сер. 1890-х гг.), дворянином из Самарской губернии, арестованным по тому же «делу о преступной пропаганде в империи». Помещен под стражу он был за участие в самарском революционном кружке, но за недостатком улик был отпущен 19 февраля 1876 г. Освободившись, А.Н. Аверкиев вновь приступил к пропагандистской деятельности, открыв в Санкт-Петербурге нелегальную типографию. Именно в ней была напечатана первая программная речь революционеров — выступление С.И. Бардиной на «процессе 50-ти» (хоть и без начала). Но проработала типография недолго — уже в апреле 1877 г. она была раскрыта полицией. На этот раз после ареста с 30 мая 1877 по 27 июля 1878 г. Александр Николаевич был определен в тюрьму Трубецкого бастиона [8, с. 6–7].

Несмотря на то, что власти пытались свести к минимуму общение между подсудимыми, изолировать революционеров друг от друга не удалось. В Доме Предварительного заключения общались с помощью «стука», криков и переписки, заводя не только «внутренние» знакомства, но и узнавая новости извне. «Ватерклозетный клуб» действовал исправно — не только ввиду удобной конструкции здания, но и при помощи начальства тюрьмы. Более того, Е.К. Брешко-Брешковская вспоминала, что ее к этому диковинному способу связи приобщила именно надзирательница, выдав палку и показав принцип дей-

ствия [3, с. 23-24]. Привычная тюремная повседневность была нарушена летом 1877 г. — когда власти составили окончательно обвинительный акт по делу 193-х. Заключенных в группах по 6-8 человек начали снова вызывать на допрос в комнату свиданий (которой служила канцелярия равелина). Приглашенные читали показания своих товарищей, подобранные «...в порядке группировки вокруг каждой значительной по участию в деле личности, — сложенные в толстые синие папки, озаглавленные, пронумерованные и зашнурованные» [2, с. 26].

Ввиду того, что к делу было привлечено около 2000 человек, таких папок было несколько сотен — их развозили на телегах из Дома Предварительного Заключение в крепость и обратно, в продолжении нескольких недель [2, с. 27]. Но вместо ознакомления с обвинениями, подсудимые чаще проводили время в беседах и дружеских свиданиях, ввиду чего данную инициативу поспешили прекратить.

Благодаря подобной свободе Е. И. Прушакевич смогла не только более близко познакомиться с А. Н. Аверкиевым, но и выйти за него замуж примерно в 1877 — начале 1878 гг. В обвинительных протоколах и зале суда Елена Ивановна уже значилась под фамилией супруга. Мотивы их бракосочетания были довольно банальными — для взаимной помощи, облегчения жизни в ссылке и смягчения условий наказания, получения выплат. Как со смехом вспоминала сама Е. И. Аверкиева, свадьба была нужна для спасения товарища, брак должен был быть фиктивным [4, с. 155]. Изначально, как и многие эмансипированные революционерки того времени, она видела своим призванием не устройство семейной жизни, а ведение просветительской и пропагандистской деятельности среди народа. Однако, невзирая на обстоятельства, брак стал удачным. Если изначально это был лишь товарищеский союз людей, объединенных только общим мировоззрением и целями, то позднее чета Аверкиевых стала настоящей семьей. В результате этой «фикции» у них родилось шесть дочерей и сын.

После завершения разбирательства «Большого процесса», длившегося более 4-х месяцев — с 18 октября по 23 января 1877 г. — началось вынесение приговоров. А. Н. Аверкиев в июне 1878 г. был признан виновным, получив в качестве наказания ссылку на поселение в не столь отдаленные места Сибири и лишение всех прав состояния. С самой Е. И. Аверкиевой было все сложнее — она вместе с Е. В. Супинской была осуждена на каторжные работы в крепостях сроком на 4 года. Но ввиду ее длительного нахождения в одиночном заключении в ходе предварительного дознания, Правительствующий Сенат заменил наказание на ссылку в Тобольскую губернию.

Летом, перед отправлением в ссылку, молодоженов перевели в Литовский замок. Условия в пересыльной тюрьме были более мягкие из-за лояльного отношения тюремной администрации и довольно свободного режима дня арестантов. Также довольно значительную роль в жизни заключенных играл гендерно-ориентированный порядок содержания. Например, Е. Д. Субботина, также переведенная в Литовский замок, особенно отмечала униформу заключенных и установленные там порядки. Женщины шили для себя наряды сами, с учетом особенностей фигуры и личного удобства — им выдали полосатый холст (синий с белым) и коленкор на косынки [25, с. 24]. В «фасонистых» платьях, с новыми чепчиками и косынками прибывшие отправлялись «на шоколад» к начальнице женского отделения [25, с. 24]. Кроме того, у дам в заключении был свой салон, знакомиться приходили «...княгини, графини, высочества и публика» [25, с. 24].

В плане физического комфорта бытовые условия тоже были вполне приемлемыми — в замке для нужд заключенных имелись не только больница, кухня, прачечная и баня, но и мастерские, квасная, пекарня, аптека, цейхгаузы, четыре церкви различных вероисповедания и школы.

Уже в августе чета Аверкиевых была направлена в г. Курган Курганского округа Тобольской губернии. Подобное назначение было крайне удачным, так как Курганский округ считался житницей губернии, богатой не только хлебопашеством и скотоводством, но и развитой в торгово-промышленном плане [29, с. 140]. Столь мягкому наказанию способствовала позиция тобольских властей относительно высылки женщин и семейных пар. По решению местной администрации все женщины, сосланные по процессам «193-х» и «50-ти» были размещены в городах неотдаленных и с благоприятным климатом (ссылку на север губернии получили лишь Ф.И. Шефтель и Л.П. Квашнина, сосланные в г. Березов) [13, с. 113].

Поселилась семья на окраине города, за пределами которого А.Н. Аверкиев совместно со ссылкой И.Ф. Белявским организовал кузницу. «Бывший студент» не чурался любой работы — от починки телег и подковки лошадей до ремонта швейных машин. Е.И. Аверкиева же хлопотала по дому и занималась воспитанием дочерей — в 1880 г. у них родилась первая дочь — Ольга, через два года — Любовь. Репутацию добродетельной семьи Аверкиевы имели не только среди местных горожан, но и у политссылных. Например, ссылкой С.Л. Чудновский, отправленный в Курган в 1881 г., вспоминал, что семья Аверкиевых приняла его на постой крайне радушно «...чисто по-товарищески, с той сердечностью, какая вообще в то время царил в Сибири среди колоний политических ссылных» [29, с. 142].

Несмотря на постоянную занятость, находилось у них время и для культурного досуга — читали газеты, журналы, кое-какие новейшие книги, которыми их снабжали друзья из Европейской части России. Хотя вести о семье причиняли Елене Ивановне довольно большое беспокойство — ее сестра Юлия, бежавшая ранее с мужем в Швейцарию, решила в 1878 г. «отдать себя в руки правосудию» [24, с. 46]. Получив более мягкий приговор (ввиду наличия грудного ребенка и беременности) Юлия Ивановна была отправлена в ссылку в Вологодскую губернию. Приносило утешение только то, что у младшей сестры Софьи и брата Ивана дела обстояли намного лучше — активных политических действий они сторонились [23, с. 89].

Но через несколько лет спокойная жизнь закончилась — после организации побега ссылкой С.А. Иванова, Н. Толузакова и Л.В. Чемоданова в конце декабря 1882 г. Уже в январе 1883 г. Аверкиевых арестовали по подозрению в содействии побегу. Хотя они не признали свою вину, тобольские власти, дабы ограничить «вредное влияние», решили перевести Аверкиевых в более отдаленное место ссылки — в г. Сургут. Он также входил в состав Тобольской губернии, но находился намного севернее — на отметке 61° 15' северной широты и 43° 23' восточной долготы, в 285 верст. выше устья р. Иртыша, по правую сторону р. Обь [11, с. 15]. По сравнению с мягким курганским климатом погодные условия Тобольского Севера были весьма тяжелыми.

Тот же В.В. Берви-Флеровский оценивал ссылку на север Тобольской губернии в качестве карательной меры правительства весьма мрачно: «...стали ссылать в Нарым и Сургут на Оби, где жители от невозможности подвезти своевременно хлеб, попадают в такое отчаянное положение, как жители крепостей, которых голодом призывают сдать» [1, с. 175-176].

Конечно, в данной характеристике есть доля преувеличения, хотя чрезвычайная суровость природно-климатических условий действительно имела место быть. Конкретно в г. Сургуте морозы доходили до -50°C , зима, захватывая часть весны и осени, длилась 6 месяцев — с половины октября до половины апреля. По описанию народника С.П. Швецова, отбывавшего ссылку в г. Сургуте, зимний период «...круто сменяется теплым и сырлым летом. «...» многоводные реки со своими многочисленными и громадными притоками в весеннее время выступают из берегов и затопляют окрестности на сотни верст, и эта

полая вода держится иногда до конца июля; озера и болота также разливаются от снеговой воды. Все это, вместе взятое, превращает округ месяца на 1 ½ — 2, как бы в сплошное болото и трясину» [28, с. 36].

В результате общая характеристика нового места жительства Аверкиевых выглядела весьма удручающе. Высылка в этот маленький окружной городок, оторванный от цивилизации, огороженный таежным массивом, стала действительно серьезным наказанием для семьи. Положение усугублялось резкими перепадами температуры, отсутствием теплой одежды, проблемами с питанием и заболеваниями, которые неизбежно проявлялись при столь резкой перемене климата. Ухудшало жизнь наличие лишь одного врача на весь уезд и отсутствие лекарств.

Также стоит отметить, что именно на 1884 г. приходится рождение их третьей дочери — Веры. Вероятно, Елена Ивановна уже была беременна во время этапирования и родила в дороге, лишь немного не доехав до места ссылки — согласно записям Т.А. Семеновой девочка была рождена 13 июня 1884 г. в с. Юганском Сургутского округа Тобольской губернии [23, с. 94].

Однако изменить ситуацию супруги уже были не в силах, приходилось приспосабливаться к новой жизни. Впрочем, они в этом были не одиноки — численность колонии сургутских ссыльных на тот момент колебалась в пределах 20–30 человек, к осени 1887 г. в городе числилось около 30 поднадзорных, с семьями — более 50 человек [26, с. 97].

Многие из них попали в Сургут именно в 1880-х гг., будучи переведенными из ссылки в более южных губерниях на волне массовых репрессий — за пособничество бежавшим товарищам или за попытку побега, продолжение пропагандистской деятельности и за подстрекание к беспорядкам. Так, например, за организацию пропагандистского кружка был отправлен в Сургут из Туринска Л.А. Иванов, осужденный по «процессу 50-ти». Он же оказался «заочно» знакомым с Е.И. Аверкиевой — через сестру, С.А. Иванову, работавшую в типографии И.Н. Мышкина.

Помимо Аверкиевых в ссылке были еще две большие семьи — Колегаевы и Зарембо [26, с. 97]. Они разместились в отдельных квартирах, в отличие от своих холостых товарищей, почти всех поселившихся в одном доме.

Ввиду бедственного финансового положения семьи и необходимости поддерживать недавно родившую супругу, А.Н. Аверкиев постарался сразу же после приезда найти заработок. Он приступил к уже привычному кузнечному делу в компании с прочими ссыльными — В.Я. Мрачковским, А.Н. Лебедевым, Н.И. Гамалицким и П.И. Зарембо. Но даже с учетом заработка в кузне и наличия пособия от государства, постоянная нехватка денег принуждала его к изысканию дополнительных способов поддержать семью. Так как из-за сурового климата держать огород возможности не было, то приходилось заниматься охотой и рыбалкой. Кроме того, для поддержания стабильной работы кузни требовался обожжённый уголь, чего нельзя было получить в городе в должном количестве. В подобном бедственном положении оказались не только Аверкиевы, но и другие ссыльные, в результате чего уже 24 марта 1884 г. было подано коллективное ходатайство о разрешении поднадзорным отлучек за городскую черту» [5]. В прошении ссыльные указали, что отлучки им необходимы «...для добывания рыбы, дичи, собирания кедрового ореха и пр.» [5, л. 7]. Ходатайство обосновывается не только высокими ценами и низким качеством имеющейся в городе продукции. Л.А. Иванов подчеркивал, что «...в городе нельзя найти не только работы, но и почти жизненных припасов ‘...’ потому что иначе невозможно поддерживать свое существование в таком месте, где никакие ремесла не обеспечат это существование и природные жители живут исключительно промыслами» [5, л. 5].

Изначально прошение одобрили и даже снабдили ссыльных лодками и оружием, но уже в мае произошел инцидент: «...Александр Аверкиев, будучи на охоте, выстрелил

из ружья, ранил дробью в ноги казака упраздненной казачьей команды Архипа Ивановича Кайдалова, охотившегося в той же местности, при этом Аверкиев упрашивал Кайдалова никому не говорить о случившемся» [5, л. 12]. Реакция местных властей, усиливших полицейское наблюдение за ссыльными после убийства Александра II, была однозначной. Хотя А.И. Кайдалов подчеркивал факт того, что «...дробь задела только его сапог» [5, л. 12], это происшествие стало благовидным предлогом для запрета поднадзорным отлучек за городскую черту и хранения огнестрельного оружия.

Содержать семью стало еще труднее, необходимость покупки мяса, рыбы и прочих продуктов значительно урезала и без того скудные финансы семьи. На пятерых человек бюджет на месяц выходил довольно мизерный — 13 руб. 50 коп. (для «привилегированного» дворянина Н.А. Аверкиева государство выделяло 6 руб., для жены полагалась выплата еще меньше — 3 руб., для детей — 1 руб. 50 коп. [26, с. 99]. Для одного человека стоимость жизни в Сургуте в начале 1880-х гг. колебалась в пределах от 6 до 10 рублей (в зависимости от состояния здоровья и прочих надобностей), соответственно, для взрослых людей прожиточный минимум набирался. Но с тремя малолетними детьми положение дел становилось намного печальнее, ведь цена продуктов на Севере была весьма высокой — в 1885 г. стоимость полтора ведра молока составляла 75 коп., пуд мяса зимней колки — 3 руб. 50 коп., утку можно было приобрести за 20 коп. Хлеб тоже был весьма недешевым: пшеничный простой, русского печения — 5 и 7 коп. [15, с. 272].

Кроме того, вероятно, что в 1886–1887 гг. в Сургуте у них родился еще один ребенок — по воспоминаниям товарищей у четы на момент жизни в городе в 1885 г. было трое детей, а к 1887 — уже четверо [26, с. 97]. Пол ребенка точно установить невозможно — ввиду противоречия в документах. Рождение их единственного сына Бориса, согласно данным Т.А. Семеновой, приходится на 1887 г., но в качестве места указано с. Кондинское, что является неверным [23, с. 98]. Либо он родился в 1887 г. в г. Сургуте, либо уже в 1888 г. — после перевода четы в с. Кондинское. Также это могла быть четвертая дочь — Татьяна, чья дата рождения не была установлена.

Помимо прибавления, в семействе Елены Ивановны были и потери — 7 мая 1885 г. скончалась от туберкулеза сестра Юлия. Не помог и переезд в Санкт-Петербург, выхлопотанный заботливым мужем [23, с. 90]. Тем не менее, жизнь продолжалась, и, несмотря на подобные условия, семья Аверкиевых сохраняла бодрость духа. Как среди ссыльных, так и среди местных жителей они имели большой авторитет и уважение. Да и вся колония сургутских ссыльных 1880-х гг. была на удивление сплоченной, местный житель Н. Буканин о них вспоминал только хорошее: «Дружный был народ и в беде помогали не только что друг дружке, а и нам, жителям» [26, с. 100].

Необходимо отметить, что Аверкиевы, несмотря ни на что, не отказались от своих революционных взглядов, твердо следуя своим принципам и убеждениям, не отступая даже под давлением властей. В качестве примера конфронтации между ссыльными и местными чиновниками можно привести инцидент, зафиксированный в секретном рапорте окружного исправника А.И. Разумовского тобольскому губернатору [6, л. 1–1об.]. Он доносил Его Превосходительству, что состоящие под гласным надзором полиции в городе Сургуте политические ссыльные 2 июля 1887 г. произвели беспорядок и выказали неповиновение на белоярской паровой пристани. В числе политических была и Е.И. Аверкиева.

Изначально ссыльные прибыли на белоярскую паровую пристань в 6-ти верстах от Сургута лишь для того, чтобы пополнить свои съестные припасы — ввиду отсутствия в городе базаров приходилось дожидаться торговцев на пароходе. Но когда пароход «Касаговский» пристал к берегу, оказалось, что в числе арестантской партии следуют политические ссыльные. Поднявшимся на борт Е.И. Аверкиевой и М.И. Ослоповой сразу же приказали сойти с баржи, и, хотя обе поднадзорные подчинились требованию, разговор

с конвоируемыми они не прекратили. В то же время все остальные поднадзорные, стоявшие в значительном отдалении, подошли к барже и присоединились к беседе, несмотря на просьбы, требования и приказания исправника.

Ссылные обосновывали свое неподчинение тем, что не видят в этих разговорах ничего противозаконного, предлагая даже офицерам стоять рядом и слушать их, или даже составить протокол об упорстве и связать их, если исправнику будет угодно. Не улучшило положение и то, что начальник партии не запрещал находящимся на барже политическим говорить с ними — ввиду боязни протеста со стороны пересыльных. Разговор велся на русском и иностранном языке, политссылные на барже и местные сообщили друг другу свои фамилии и откуда они, о сроках состояния под надзором, что после них еще последует партия, чтобы местные не упустили возможность повидаться и с ними.

Вследствие этого происшествия, окружной исправник признал необходимым не допускать отлучки поднадзорных политических ссыльных на пристань во время прибытия пароходов с арестантами из Тюмени. Но на этом желание ссыльных узнать новости и поддержать арестантов не пресекли — уже 12 сентября 1887 г. А.И. Разумовский вновь пишет секретный рапорт [6, л. 7] о самовольной отлучке их к пристани. В этот раз они скрывались в лесу до прибытия парохода. Надзиратель Грязнов сразу же доложил о побеге Разумовскому и тот послал «навстречу версты за две до пристани на пароход отношение за № 36», в котором просил начальника пароходной арестантской партии принять все возможные меры для прекращения всяческих переговоров.

Впрочем, ему это не слишком помогло, ссыльные силой вошли на пароход. М.Д. Гуревич даже схватил несчастного исправника за руку и кричал, что последний не имеет права не допускать им входить на пароход, что повторили и ссыльные И.И. Неклепаев, И.М. Соколов, С.М. Лесневич, А.В. Молдавский и П.М. Недошивин. В итоге баржу отвели от берега, и бунтовщики вынуждены были уйти. Исправник же в рапорте подал прошение о том, чтобы М.Д. Гуревича, как наиболее буйного зачинщика, перевели из Сургута (подобно поднадзорной М.И. Ослоповой). Прошение его выполнили и М.Д. Гуревич был «за несносный дерзкий характер» и участие в протестных выступлениях сургутских ссыльных переведен в с. Кушеват Якутского округа с увеличением срока надзора на два года [10, с. 1036].

Но на этом череда столкновений не завершилась, противостояние приняло худший оборот. Конфликт между властью имущими и политическими ссыльными дошел до такой степени, что поднадзорные выступили с протестом, ставшим одним из наиболее известных случаев организованного сопротивления политссыльных в Западной Сибири. В отечественной историографии он получил название «Сургутский протест» и был детально рассмотрен в исследовании Л.П. Рощевской [21].

Усугубляло сложившуюся ситуацию не только халатное отношение местных властей, но и плохая постановка медицинского дела в городе в целом. Для заболевших политссыльных вылечиться местными средствами было решительно невозможно — в городе была лишь больница Приказа общественного призрения на 12 мест с врачом-пьяницей, который, вместо обхода больных, запирался в своей избе и в компании с жандармским «унтером» глушил водку [26, с. 101]. Обслуживал же больных, осмелившихся посетить данное учреждение, остяк с третичным сифилисом.

В итоге тяжело заболевший Л.А. Иванов (воспаление спинного мозга парализовало ему ногу и руку, также отнялся язык) был вынужден подать тобольскому начальству прошение о помещении в тобольскую больницу. За первым прошением последовали другие, но губернатор В.А. Тройницкий долгое время их игнорировал. Разрешение от него было получено слишком поздно, и Л.А. Иванов скончался по дороге в Тобольск. Губернатор запретил даже организовать его похороны в Сургуте — из опасения политической

демонстрации. Обстоятельства смерти Л.А. Иванова вызвали бурную реакцию ссыльных, но, возможно, конфликт можно было бы предотвратить, если бы в декабре 1887 года не заболели И.И. Лазаревич и В.Я. Яковлев. Лечения они никакого не получили, более того, были признаны местным эскулапом «здоровыми» [21, с. 58]. Прошение их о помещении в тобольскую больницу также было проигнорировано.

22 декабря 1887 г. ссыльные подали коллективную жалобу с требованиями улучшить снабжение местной аптеки, сменить пьяницу-доктора и разрешить отправляться в Тобольск на лечение без подачи обязательного прошения губернатору по дозволению местного врача [26, с. 102]. Но и на нее губернатор не дал официального ответа.

В итоге было решено, что бездействовать больше нельзя, и на имя губернатора было направлено новое заявление в куда более грубых выражениях, провозглашая коллективный отказ от исполнения обязанностей административных ссыльных. В числе 18 подписавших также были супруги Аверкиевы — невзирая на то, что по общему решению семейные не должны были принимать участие в протесте [28, с. 5].

Уже 16 февраля 1888 г. третья петиция под названием «Гонения политических ссыльных в Сургуте» легла на стол уже министру внутренних дел и была размножена на гектографе. В ней протестующие заявляли, что административная ссылка есть пример постоянного нарушения прав и свобод человека. Также для распространения петиции в России и за рубежом было решено подготовить побег двух поднадзорных — А.Н. Лебедева и И.И. Лазаревича. Благодаря содействию местных жителей и лояльности полицейских исчезновение поднадзорных было замечено намного позже, и строки этого политического заявления прозвучали не только по всей стране, но и за границей.

«Сургутский протест» завершился облавой в ночь с 17 по 18 марта 1888 г., в ходе которой полицейская команда арестовала ссыльных, согнав их в полицейское управление. Тех, кто не пошел добровольно, волокли в одном белье, а в самом управлении едва не дошло до кровопролития. Не дала дойти противостоянию до бойни Елена Ивановна, к которой все ссыльные относились с уважением: «...когда положение стало особенно напряженным и в одном месте уже началась потасовка, Е.И. Аверкиева поднялась на стол, гневно прикрикнула на зарвавшихся солдат и затем обратилась к товарищам со словом успокоения» [26, с. 103].

На рассвете всех ссыльных ненадолго и по одному отпустили на квартиры с сопровождением — для упаковки вещей, после чего развезли в подводах по окружным селам до расследования «степени вины». Семья Аверкиевых была доставлена в с. Юганское [22, с. 149-150].

Надолго там семейство не задержалось — в августе 1888 г. Аверкиевых перевели в с. Кондинское Берёзовского округа Тобольской губернии. Новое место жительства оказалось еще более глухим, чем г. Сургут — с. Кондинское (Нахрачи) представляло собой небольшое поселение, негласно разделенное на две половины — «русский конец» и «остяцкий конец». Хотя количество дворов доходило только до двадцати, в нем были священник, писарь и даже свой фельдшер [16, с. 38].

Помогали новоприбывшим обустроиться их сургутские товарищи, отправленные в кондинскую ссылку на несколько месяцев раньше — А.Т. Водзинский, В.Ф. Казаков, Я.А. Меримкин, В.Я. Яковлев (Богучарский); высланные из Березова «возмутители спокойствия» В.А. Померанцев и греческий подданный Г.А. Глико [28, с. 404].

При этом стоит отметить, что бунтарские настроения поднадзорных не сошли на нет, во многих поселениях, куда попали сургутяне, имела место быть конфронтация их с местными властями. Также не способствовало смягчению напряжения частое проведение обысков, возобновление следствия по «Сургутскому протесту» и перлюстрация писем чрезмерно усердными полицейскими. «Закручивание гаек» привело к тому, что опять

вспыхнули локальные конфликты, часть ссыльных вновь перевели, например, из с. Кондинское Г.А. Глико отправили в еще более глухое с. Кушеватское.

В таких обстоятельствах неудивительно, что маленькая колония поднадзорных жила очень сплоченно, оказывая товарищам всяческую поддержку, проводя совместно и досуг, и рабочие будни. В 1889 г. ссыльные отпраздновали очередное прибавление в семье — Елена Ивановна родила дочь Надю. Как и прежде, дом Аверкиевых был местом, где мог найти приют любой желающий. Когда тот же Г.А. Глико вернулся в с. Кондинское для встречи с братом и его женой, прибывшими из Одессы, то остановились они все на квартире Аверкиевых [17, с. 107].

До окончания срока ссылки супругов жизнь протекала относительно мирно. Е.И. Аверкиева все так же занималась хлопотами по дому и воспитывала детей — теперь уже шестерых. По данным Т.А. Семеновы, рождение их седьмой, самой младшей дочери Нины, приходится на 1892 г., уже после того, как в 1891 г. Елене Ивановне позволили свободное жительство в Сибири под гласным надзором полиции (за исключением областей Семипалатинской и Семиреченской) [14]. Вероятно, чета была вынуждена остаться в с. Кондинском именно из-за ее беременности.

Но вследствие плохого самочувствия Александра Николаевича семейство Аверкиевых все же было вынуждено расстаться. Для поддержания здоровья ему необходимо переехать в более мягкий самарский климат, самой же Елене Ивановне только в 1893 г. за окончанием срока ссылки было дозволено проживание без гласного надзора в европейской части России (кроме столиц и университетских городов). Скорее всего, встретиться с супругом она уже больше не смогла — недуг победил, и он скончался вскоре после переезда в Самару в 1890-х гг. В официальной переписке 1904 г. Е.И. Аверкиева уже числилась вдовой.

Дальнейшим местом жительства она с детьми выбрала г. Саратов, в котором и началось ее «хождение по мукам». В сравнении с суровыми условиями Тобольского Севера жизнь там была намного легче, как в климатическом, так и в финансовом плане. Тем не менее, Е.И. Аверкиева после окончания ссылки не соблазнилась обещанием спокойной жизни и вновь присоединилась к местному политическому движению. В 1896 г. под руководством А.А. Аргунова в городе была организована группа социалистов-революционеров, ставшая впоследствии известной как северный «Союз социалистов-революционеров» [27, с. 51]. Ядром организации стали бывшие политссыльные, разночинцы-интеллигенты, имевшие не только опыт «хождения в народ», но и революционной деятельности. В их число вошла и Елена Ивановна.

В первый год своей деятельности эта группа выработала программу, в которой главной целью было провозглашено переустройство общества на социалистических началах. В примечаниях к дополненной версии программы сами деятели Союза давали ей следующую характеристику: «Она во всем существенном сходна с программой «Народной Воли». Некоторые изменения, вызванные жизнью, нисколько не лишают нас права считаться продолжателями дела, завещанного революционерами 80-х годов» [27, с. 51]. В качестве средств для достижения целей организации избирались: пропаганда, агитация, террор и массовая революционная борьба. Деятельность революционеров в Саратовской губернии стала настолько успешной, что в 1900 г. местный губернатор отмечал, что агитация пропагандистами ведется так умело и осторожно, что все усилия жандармской и общей полиции почти не имеют успеха [19].

Необходимо подчеркнуть, что к партийной работе в Саратове присоединилась не только Е.И. Аверкиева, но и ее дети. Наиболее активное участие в деятельности социал-революционеров приняла В.А. Аверкиева. С начала 1900-х (еще во время обучения в гимназии) она попала под пристальное наблюдение полиции, и, как следствие, в спи-

сок лиц, подлежащих обыску и аресту в Саратове в ночь на 31.10.1902 из группы социал-революционеров. После допроса В.А. Аверкиева была отпущена, но все же регулярные облавы полицейских принесли требуемый результат [23, с. 95]. После череды обысков многие эсеры были арестованы, обнаружены различные «преступные произведения», напечатанные на гектографах и мимеографах в значительном количестве. Е.И. Аверкиева тоже оказалась в числе арестантов, попав под подозрение полиции после визита Г.А. Гершуни в апреле 1902 г. [20]. В июне 1902 г. она была во второй раз отправлена в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, в которой содержалась вплоть до 11 января 1903 г. [24, с. 49]. К счастью, беспокоиться о благополучии детей ей не пришлось — старшие дочери, будучи уже достаточно самостоятельными, взяли под опеку младших. Проведать мать приезжали Любовь и Вера, последняя доставляла новости о деятельности эсеров. Она, став в 1901 г. членом Саратовского комитета ПСР, принимала крайне активное участие в пропагандистской деятельности: организовывала кружки, вечеринки, сходки в Саратове и Самаре.

В феврале 1903 г. Е.И. Аверкиева была отпущена в Саратов, но после краткого визита к семье, была вынуждена отправиться в Самару «...потому, что из Саратова, где находилась под надзором, попросили убраться. Саратов в те годы считался гнездом нелегалыщины» [4, с. 155].

В Самаре Е.И. Аверкиеву приветливо встретила компания бывших ссыльных — среди них были А.И. Ливанов и В.Ю. Виттен, А.П. и А.И. Ульяновы, Н.С. Долгов, А.А. Дробыш-Дробышевский и пр. Сразу же дом Е.И. Аверкиевой стал для местных революционеров тем местом, куда можно было всегда и во всякое время прийти, будучи в плохом настроении, «...зная, что примут задушевно, родственно» [4, с. 155]. Особенно дружеские отношения у нее завязались с А.Н. Ульяновой, отмечавшей, что с приездом Елены Ивановны на жительство в Самару ее жизнь стала полней и интересней. Она в своих воспоминаниях описывала Е.И. Аверкиеву следующим образом: «...всегда смелая, ровная, с добродушной усмешкой ко всяким невзгодам относящаяся, вообще действовала на людей успокаивающе, бодряще» [4, с. 155]. Схожие и в политических взглядах, и в мировоззрении в целом, дамы стали проводить досуг совместно, поддерживать друг друга морально и материально. Летом подруги плавали на лодке в Симбирскую губернию «на пески», иногда «...перед праздниками за Волгой проводили и ночи среди природы, что было большой радостью для детей» [4, с. 156]. Кипела и пропагандистская деятельность, благодаря Е.К. Брешко-Брешковской со всех уголков страны в город стали приезжать эсеры, привозившие революционную литературу, прокламации и свежие новости. Но все же идиллия не продлилась долго и по Высочайшему повелению 2 (15) июня 1904 г. Е.И. Аверкиева была выслана под гласный надзор полиции на родину, в Архангельскую губернию.

После завершения пятилетнего срока ссылки она вновь вернулась в Саратов к детям. Немало добавляла беспокойства матери третья дочь Вера, которая за пропагандистскую деятельность была много раз заключена под стражу (в 1902, 1903, 1904, 1906 гг.), сидела в Саратовской и Царицынской тюрьмах, даже бежала за рубеж [23, с. 95]. Единственный сын Борис тоже вступил на путь протеста. Будучи студентом Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого, он занимался распространением прокламаций в студенческой среде и участвовал в волнениях.

Сама Елена Ивановна продолжала внимательно следить за судьбой революционного движения. Это подтверждает письмо ее сына, конфискованное саратовской полицией от 12.03.1911 г. Оно содержало не только повседневные новости из жизни молодого студента, но и копию «Открытого письма коалиционного комитета С.-Петербургского университета к профессуре С.-Петербургского университета» [23, с. 98], ставшего впоследствии одним из свидетельств нового революционного подъема.

Однако, несмотря на то, что после февраля 1917 г. жизнь страны кардинально изменилась, дальнейший мирный переход к социализму все еще был невозможен из-за внутривластных раздоров. Ратовавшие за демократизацию эсеры сочли разгон Учредительного собрания безумством и выступили против большевистской власти. Мать и сын Аверкиевы, придерживавшиеся традиционных народнических взглядов относительно будущего пути развития страны, тоже последовавший Октябрьский переворот не приняли. Б.А. Аверкиев, примкнувший к антисоветскому движению, был арестован за участие в подготовке восстания в Саратовской губернии и приговорен к расстрелу (предположительно в 1918-1919 гг.). В последнем свидании с сыном Е.И. Аверкиевой было отказано под угрозой ареста, официальное погребение тоже было не разрешено. Известно лишь предполагаемое место гибели, овраг за городом, «...землей которого засыпаны члены партии социалистов-революционеров» [23, с. 100]. Материнское сердце не выдержало такого испытания, и после казни сына Е.И. Аверкиева скончалась от инсульта.

Выводы. Можно констатировать, что определяющими факторами, повлиявшими на жизненный выбор Е.И. Аверкиевой, стали именно ее общественно-политические взгляды и моральные убеждения. Как и многие девушки того времени, она была вовлечена в дело революции посредством контакта с опытными пропагандистами, уже имевшими четко сформированную позицию и идеологические убеждения. Выросшая в окружении ссыльных поляков, она с детства видела многие пороки царизма: бесправность и нужду простого народа, халатность и коррумпированность чиновников, несправедливость судебной системы. Благодаря наставничеству В.В. Берви-Флеровского, Е.И. Аверкиева переняла не только схожее мировоззрение, но и готовность к решительным действиям во имя революции.

Кроме того, определенное влияние на формирование ее личности и взглядов оказала специфика гендерной социализации. Если для многих мужчин «женский вопрос» как часть революционной борьбы был хоть и важной, но не первостепенной проблемой, то для революционерок он становился одним из основных поводов для вступления на путь протеста. Для Е.И. Аверкиевой и ее подруг из «архангельской колонии» побудительными причинами примкнуть к протестующим послужило не только стремление к социальной справедливости и желание демократических реформ, но и жажда личной свободы, всеобщего равенства, расширения возможностей для самореализации.

Несогласная с окружающей действительностью, Е.И. Аверкиева выбрала путь протеста против старых устоев — при помощи пропаганды, просвещения общества, работы во благо народа. Пройдя через царские тюрьмы и ссылку, она только укрепилась в своих убеждениях, став примером твердости духа как для товарищей по ссылке, так и для своих детей. Не отказавшись от избранной стези, Елена Аверкиева до самого конца жизненного пути посвятила себя борьбе за лучший мир, устроенный на новых, социалистических началах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя / предисловие М. Клевенского; под редакцией В. Невского и П. Анатольева. Молодая гвардия, 1929. 231 с.
2. Брешко-Брешковская Е. К. Русские революционеры. Ипполит Мышкин и Архангельский кружок. [Б.м.]: Тип. партии социалистов-революционеров, 1904. 70 с.
3. Брешко-Брешковская Е. К. Из моих воспоминаний / ред.: Ф. Дедов, Н. Максимов, С. Нечетный и А. Рудин. СПб., 1906. 40 с.
4. Воспоминания Анастасии Петровны Ульяновой (записаны в Нижнем Новгороде, 1920-е — начало 1930-х годов). URL: http://www.famhist.ru/famhist/biblioteka/ulianova_ar.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГБУ ТО ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 10. Ед. хр. 100. 53 л.
6. ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп.1 2. Ед. хр. 56. 7 л.
7. Государственные преступления в России в XIX веке: процесс 193-х. Т. 3. / Сост. под ред. [и с предисл.] Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. 304 с.
8. Деятели революционного движения в России: Био-Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 1: А-Е / Составлен А.А. Шиловым, М.Г. Карнауковой. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. 1929. С. 6-7.
9. Деятели революционного движения в России: Био-Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 3: М-Р / Составлен А.А. Шиловым, М.Г. Карнауковой. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. 1931. С. 1281-1282.
10. Деятели революционного движения в России: Био-Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3: Восьмидесятые годы: Вып. 2: Г-З / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Ф. Кона, А.А. Шилова [и др.]; составлен Р.М. Кантором, П.Г. Любомировым, А.А. Шиловым, Е.Н. Кушевой. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. 1934. 1580 с.
11. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, естественных богатств и промышленной деятельности населения. Т. 1. СПб.: Изд-во: типография Киршбаума, 1904. 78 с.
12. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: «Наука», 1965. 443 с.
13. Кондакова О.Н. Женщины-революционерки 70-80-х гг. XIX века и их пребывание в Сибирской ссылке: Дис ... канд. ист. наук. М., 2002. 177 с.
14. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края». Ф. 595. Оп. 63. Ед. хр. 3240. 2 л.
15. Лазарев Е.Е. Моя жизнь: Воспоминания, статьи, письма, материалы. Прага, 1935. 312 с.
16. Милевский О.А. Политическая ссылка на Тобольский Север 1860-1890-х годов: социокультурный контекст. Книга для учителей. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
17. Милевский О.А. «Хождение по мукам» Гавриила Глико: из истории политической ссылки времен царствования Александра III // Новый исторический вестник. 2020. № 1 (63). С. 90-115.
18. Никифоров Л.П. Василий Васильевич Берви-Флеровский // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914. № 5. С. 141-145.
19. Прошечкин Е.С. Влияние неонароднической пропаганды на подъем крестьянского движения в Саратовской губернии на рубеже XIX-XX веков. URL: <https://studik.net/vliyanie-neonarodnicheskoj-propagandy-na-podem-krestyanskogo-dvizheniya-v-saratovskoj-gubernii-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения: 11.04.2023).
20. Письмо заведующего особым отделом департамента полиции Л.А. Ратаева заведующему заграничной агентурой в Париже П.И. Рачковскому... от 13/26 июня 1902 г. URL: <http://doc20vek.ru/node/1093> (дата обращения: 11.04.2023).
21. Рощевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень. 1977. С. 48-84.
22. Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. 207 с.
23. Семенова Т.А. Певцу эсеров от внучки эсера В.Н. Рихтера // Жить историей и думать о будущем: Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова / сост. А.Ю. Морозова, А.Ю. Сулов. М., 2021. 581 с.
24. Славнитский Н.Р. Первые народницы Архангельска в заключении и ссылках на Севере и в Сибири // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 43-50.
25. Субботина Е.Д. На революционном пути. М., 1928. 31 с.

26. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92-117.
27. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. 2.: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. СПб., 1916. 579 с.
28. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998. 430 с.
29. Чудновский С.Л. Из давних лет // Вестник Европы. Т. 47, 1912, [кн. 3], март. Типография товарищества «Общественная польза», 1912. С. 162-187.
30. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Том 40. Выпуск 4. Социализм. 7-е изд. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1923. 479 с.

REFERENCES

1. Bervi-Flerovskiy V.V. Zapiski revolyutsionera-mechtatelya [Notes of a revolutionary dreamer] / predisloviye M. Klevenskogo; podaktsiyey V. Nevskogo i P. Anatol'yeva. Molodaya gvardiya, 1929. 231 s. (In Russian).
2. Breshko-Breshkovskaya Ye.K. *Russkiye revolyutsionery. Ippolit Myshkin i Arkhangel'skiy kruzhok* [Russian revolutionaries. Ippolit Myshkin and the Arkhangelsk coterie]. [B.m.]: Tip. partiya sotsialistov-revolyutsionerov, 1904. 70 s. (In Russian).
3. Breshko-Breshkovskaya Ye.K. *Iz moikh vospominaniy* [From my memories] / red.: F. Dedov, N. Maksimov, S. Nechetnyy i A. Rudin. SPb., 1906. 40 s. (In Russian).
4. *Vospominaniya Anastasii Petrovny Ulyanovoy (zapisany v Nizhnem Novgorode, 1920-ye — nachalo 1930-kh godov)* [Memoirs of Anastasia Petrovna Ulyanova (recorded in Nizhny Novgorod, 1920s — early 1930s)]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/biblioteka/ulianova_ap.pdf (data obrashcheniya: 11.04.2023). (In Russian).
5. *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske» (daleye GBU TO GA v g. Tobol'ske)*. [State budgetary institution of the Tyumen region «State archive in Tobolsk» (hereinafter GBU TO GA in Tobolsk)]. F.152. Op. 10. Ed. hr. 100. 53 l. (In Russian).
6. GBU TO GA v g. Tobol'ske [GBU TO GA in Tobolsk]. F.152. Op.12. Ed. hr.56. 7 l. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyye prestupleniya v Rossii v XIX veke: protsess 193-kh* [State crimes in Russia in the 19th century: the trial of the 193rd]. T. 3. / Sost. pod red. [i s predisl.] B. Bazilevskogo (V. Bogucharskogo). SPb., 1906. 304 s. (In Russian).
8. *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskiy slovar': Ot propagandistov dekabristov do padeniya tsarizma. T. 2: Semidesyatyye gody. Vyp. 1: A-Ye* [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bio-Bibliographic Dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism. Vol. 2: Seventies: Issue. 1: A-E]. / Sostavlen A.A. Shilovym, M. G. Kamaukhovoy. M.: Vsesoyuz. o-vo polit. katorzhan i ssyl'no-poselentsev. 1929. S. 6-7. (In Russian).
9. *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskiy slovar': Ot propagandistov dekabristov do padeniya tsarizma. T. 2: Semidesyatyye gody. Vyp. 3: M-R* [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bio-Bibliographic Dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism. Vol. 2: Seventies: Issue. 3: M-R]. / Sostavlen A.A. Shilovym, M.G. Kamaukhovoy. M.: Vsesoyuz. o-vo polit. katorzhan i ssyl'no-poselentsev. 1931. S.1281-1282. (In Russian).
10. *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskiy slovar': Ot propagandistov dekabristov do padeniya tsarizma. T.3: Vos'midesyatyye gody. Vyp. 2: G-Z* [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bio-Bibliographic dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism. T. 3: Eighties: Issue. 2: G-Z]. / Pod red. VI. Vilenskogo-Sibiriyakova, F. Kona, A. A. Shilova [i dr.]; sostavlen R. M. Kantor, P. G. Lyubomirovym, A. A. Shilovym, Ye. N. Kushevoy. M.: Vsesoyuz. o-vo polit. kam torzhan i ssyl'no-poselentsev. 1934. 1580 s. (In Russian).
11. *Dunin-Gorkavich A. A. Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, yestestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobolsk North. General overview of the country, natural resources and industrial activities of the population.]. T. 1. SPB.: lzd-vo: tipografiya Kirshbauma, 1904. 78 s. (In Russian).

12. Itenberg B.S. *Dvizheniye revolyutsionnogo narodnichestva: narodnicheskiye kruzhki i «khozhdeniye v narod» v 70-kh godakh XIX v.* [Movement of revolutionary populism: populist coterie and «going to the people» in the 70s of the XIX century]. M.: «Nauka», 1965. 443 s. (In Russian).
13. Kondakova O.N. *Zhenshchiny-revolutsionerki 70–80-kh gg. XIX veka i ikh prebyvaniye v Sibirskoy ssylke* [Revolutionary Women of the 70s and 80s XIX century and their stay in the Siberian exile]: Dis ... kand. ist. nauk. M., 2002. 177 s. (In Russian).
14. *Krayevoye gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya».* [Regional State Public Institution «State Archive of the Krasnoyarsk Territory»]. F. 595. Op.63. Ed. hr. 3240. 2 l. (In Russian).
15. Lazarev Ye. Ye. *Moya zhizn': Vospominaniya, stat'i, pis'ma, materialy* [My life: memoirs, articles, letters, materials]. Praga, 1935. 312 s. (In Russian).
16. Milevskiy O.A. *Politicheskaya ssylka na Tobol'skiy Sever 1860–1890-kh godov: sotsiokul'turnyy kontekst. Kniga dlya uchiteley* [Political link to the Tobolsk North in 1860–1890s: socio-cultural context. Book for teachers]. Tyumen': Aksioma, 2017. 132 s. (In Russian).
17. Milevskiy O.A. «*Khozhdeniye po mukam*» Gavriila Gliko: iz istorii politicheskoy ssylki vremen tsarstvovaniya Aleksandra III [«Walking through the torments» of Gavriil Gliko: from the history of political exile during the reign of Alexander III]. // *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2020. № 1 (63). S. 90–115. (In Russian).
18. Nikiforov L.P. *Vasilii Vasil'yevich Bervi-Flerovskiy* [Vasily Vasilievich Bervi-Flerovsky] // *Yezhemesyachnyy zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*. 1914. № 5. S. 141–145. (In Russian).
19. Proshchekin Ye. S. *Vliyaniye neonardnicheskoy propagandy na pod"yem krest'yanskogo dvizheniya v Saratovskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vekov* [The influence of neo-populist propaganda on the rise of the peasant movement in the Saratov province at the turn of the XIX–XX centuries]. URL: <https://studik.net/vliyanie-neonardnicheskoy-propagandy-na-podem-krest'yansko-go-dvizheniya-v-saratovskoy-gubernii-na-rubezhe-xix-xx-vv> (data obrashcheniya: 11.04.2023). (In Russian).
20. *Pis'mo zaveduyushchego otdeleniyem departamenta politsii L.A. Ratayeva zaveduyushchaya zagranichnoy agenturoy v Parizhe P.I. Rachkovskomu... ot 13/26 iyunya 1902 g.* [Letter from the head of the special department of the police department L.A. Rataev to the head of foreign agents in Paris P.I. Rachkovsky... dated June 13/26, 1902]. URL: <http://doc20vek.ru/node/1093> (data obrashcheniya: 11.04.2023). (In Russian).
21. Roshchevskaya L.P. «*Surgutskaya istoriya*» (Volneniya politicheskikh ssyl'nykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri) [«Surgut story» (Protest of political exiles in the 80s of the XIX century in Western Siberia)] // *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolutsionnoy Rossii*. Tyumen'. 1977. S. 48–84. (In Russian).
22. Retunskiy V.F. *Gosudarstvennyye prestupniki. Stranitsy istorii politicheskikh ssylok v Zaural'ye* [State criminals. Pages of the history of political exile in the Trans-Urals]. Surgut, 1992. 207 s. (In Russian).
23. Semenova T.A. *Pevtsu eserov ot vnuchki esera V.N. Rikhtera* [From the granddaughter of the Socialist-Revolutionary V.N. Richter to the singer of the Socialist-Revolutionaries] // *Zhit' zamuzh iumat' o budushchem: Sbornik statey i materialov k 60-letiyu doktora chelovecheskikh nauk K. N. Morozova / sost. A. YU. Morozova, A. YU. Suslov. M., 2021. 581 s.* (In Russian).
24. Slavnitskiy N.R. *Pervyye narodnitsy Arkhangel'ska v Svyazyakh i ssylkakh na Severe i v Sibiri* [The first populists of Arkhangel'sk in prison and exile in the North and Siberia] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. № 4. S. 43–50. (In Russian).
25. Subbotina Ye. D. *Na revolyutsionnom puti* [On a revolutionary path]. M., 1928. 31 s. (In Russian)
26. *Surgutyanim. Sto let Surgutskoy ssylke* [One hundred years of the Surgut exile] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian).
27. Spiridovich A.I. *Revolutsionnoye dvizheniye v Rossii* [Revolutionary movement in Russia]. Vyp. 2.: *Partiya sotsialistov-revolutsionerov i yeye zashchitniki*. SPb., 1916. 579 s. (In Russian).

28. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th centuries] / sost. L. P. Roshchevskaya, V. K. Beloborodov. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 1998. 430 s. (In Russian).
29. Chudnovskiy S. L. *Iz davnikh let* [From old times] // *Vestnik Yevropy*. T. 47, 1912, [kn. 3], mart. Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1912. S. 162-187. (In Russian).
30. *Entsiklopedicheskiy slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Pomegranate]. Tom 40. Vypusk 4. Sotsializm. 7-ye izd. M.: Russkiy bibliograficheskiy institut Granat, 1923. 479 s. (In Russian).